

УТВЕРЖДЕНИЕ КРАСОТЫ

„КАКОЕ-ТО мгновение мы жили одним дыханием с актером... и это мгновение останется с нами на долгие дни. Останется затем, чтобы стать мерилом многих слов и поступков в самой жизни...».

Не просто блистать талантом, но дарить людям друзей, наставников, дарить мгновения, которые будут светить зрителю долгие дни и долгие годы, — не в этом ли высшее назначение актера?

Прочитрованные мною строки — из газетной рецензии на спектакль «Ночная повесть», в котором актер Омского театра драмы Ножери Чонишвили играл фотографа. Мгновение, о котором идет речь, — мгновение нравственно-го прозрения его героя. Этот человек пытался спрятаться от жизни с ее проблемами, с ее острыми углами за безразличие, невмешательство, он хотел утопить трагические страницы своего прошлого в тихом обывательском болотце. Но пришла минута, столкнувшая его с эгоистичными, равнодушными, хладнокровно готовыми к преступлению юнцами, и фотограф, бывший узник фашистских концлагерей, вспомнил, что именно там видел он таких же хладнокровно убивающих юнцов. И понял, что в молчании, невмешательстве, трусости — начало беды, начало нравственного падения и пособничества преступлению. И бросился в схватку — безрассудно и страстно...

Другой герой Чонишвили — Гарри Смит из «Русского вопроса» — вступает в борьбу с миром наживы и лжи осознанно, осмысленно, трезво. Он ясно понимает беспощадность этой борьбы в обществе, где человек человеку — волк, он знает, какое понадобится мужество, чтобы выстоять, — и твердо выбирает свой трудный удел честного гражданина, честного человека.

Еще один его герой — Сирано де Бержерак, один, по Горькому, из «немногих, но всегда глубоко несчастных людей, на долю которых выпадает высокая честь быть лучше и умнее своих современников», — всею своею жизнью и смертью утверждает стремление человека к свободе, к красоте, к благородству чувств и поступков, его долг — непримиримо и стойко драться с неправдой, с насилием, с предрабствами...

И вместе с воинствующими ге-

роями Ножери Чонишвили переживает зритель прекрасные высокие минуты.

Но он играл и играет еще и одержимого идеей «революционной жестокости» Кныша в «Директоре», и лукавого царедворца Годунова в «Смерти Иоанна Грозного», и элегантного убийцу эсэсовца Келлера в спектакле «Так начиналась легенда». Он начинал когда-то как характерный актер. Творческий диапазон Чонишвили огромен — временами до неожиданностей. Неизменно одно: гражданский, политический темперамент художника, глубоко сознающего воспитуемое назначение искусства. Темперамент, лишенный плакатной прямолинейности, и тем более действенный, что в основе его — мягкость и человечность.

ОН ВНЕШНЕ узнаваем в любой роли, всегда похож на самого себя. Мастер психологического перевоплощения, он видит главное не во внешней обрисовке образа, а в раскрытии его глубинных внутренних качеств. И раскрывает их, внося в объективный материал роли свое, продуманное, выстраданное, обусловленное и опытное, и знание, и чувством.

У Чонишвили — редкая способность сосредоточиться на вырезающем образе, работать над ним целеустремленно и отрешенно. Способность, не переставая удивлять даже очень близких людей.

Когда в Омск приехал его давний друг артист Феликс Степун — он не узнал Чонишвили. Наблюдал за ним, рассказывает Феликс Оскарович, и пугался — неужели потерял старого товарища? Чонишвили жил рядом, но словно за глухой стеной, — замкнутый, ушедший в себя и, казалось, чужой человек. Потом стало понятно: да, он жил рядом — и все-таки уже не своей жизнью, а жизнью Сирано, о котором мечтал много лет...

Уже на репетициях эта внутренняя сосредоточенность, эта всепоглощенность оборачивается полной, эмоционально щедрой отда-

чей. Чонишвили живет в образе так наполненно, так экспрессивно, что его партнеры говорят: рядом с ним нельзя не работать так же полно и самозабвенно.

Он должен знать о своем герое все. Прежде чем выйти на сцену, он должен детально рассмотреть этот характер во всей его сложности, найти ответ на все заключенные в нем вопросы. Ему мало только пьесы — его интересуют и эпоха, и реальный прообраз, и актерское воплощение этого характера в ранних постановках.

Когда-то, еще в Тбилиском ТЮЗе, он готовился сыграть Пушкина, и друзья удивлялись масштабам прочитанного им о поэте и боялись немного этих добровольных перегрузок... А Чонишвили не ограничился этим — он махнул через всю страну в Пушкинские горы. Увидеть опальную вотчину поэта, вдохнуть воздух Михайловского и Тригорского...

И теперь, готовясь к «Гамлету», он вчитывался в труды шекспироведов, в исследования театроведов, в статьи о гамлетах Качалова, Самойлова, Астангова... Он заново вчитывался в эту трагедию, много лет знакомую и не утратившую привлекательности и сложности — постичь, избежать проторенных дорог...

Он всегда теоретически вооружен перед выходом на сцену — и никогда не открывает на репетициях теоретических дискуссий. Он глубоко уважает труд режиссера, чутко улавливая его замысел и тонко подсказывая ему свое решение образа. («Отличный напарник» — так говорит о Чонишвили главный режиссер театра Яков Маркович Киржнер).

Чонишвили умеет увлекаться, как юноша, — новой пьесой, даже внезапным вводом. Он, зрелый большой актер, способен с волнением и трепетом приходить в театр задолго до репетиции.

Он умеет увлечь и зажечь. Участники спектакля «Сказка о храбром Кикиле» (это вторая в омском театре режиссерская рабо-

та Чонишвили) рассказывали, как он «заразил» их поэзией фольклора, колоритом Грузии. Он ставил эту сказку, оставаясь актером — так ярко и зримо показывая зерно будущего образа, что исполнитель мог его увидеть, издалека, но отчетливо и красочно.

Один из ведущих актеров труппы, Чонишвили никогда не претендует на премьерство и не отказывается от самой неблагодарной работы. В спектакле о Карбышове он играет сверхэпизодическую роль, неудобо расположенную во времени — три пятисекундных выходов. Он скромно работает в этой крохотной роли, и не помешала о возможном конфликте с режиссером.

ОН ВООБЩЕ живет в своем коллективе почти без конфликтов — не потому, что объекта и пассивен, а потому, что окружающих обезоруживает его мягкость, внимание к человеку, его такт и доброта. Чонишвили трогательно любит друзей, ценит товарищи и студии, которым он преподает актерское мастерство; его обаяние подвластно зрителю, с которыми он говорит не только в театре, но и на творческих встречах.

И все-таки: почти без конфликтов. Потому что если дело касается принципиальных разногласий, он непреклонен и бескомпромиссен до жесткости.

Он очень доброжелателен и очень верит в лучшее в человеке. Он убежден, что лучший способ воспитания — поддержка, что даже не в самой удачной работе товарища надо увидеть доброе начало и вовремя согреть его ободряющим словом. Член художественного совета театра, Чонишвили не спешит с выводами, он предельно тактичен в обсуждении спектаклей, и если у него есть замечания — можно быть уверенным, что выскажет он их мягко.

Ножери Чонишвили прошел большую школу комсомольской и партийной работы — работы с человеком. Он руководил комсо-

мольской организацией Тбилисского ТЮЗа, был секретарем парторганизации этого театра и членом партбюро театра и райкома партии в Туле, где работал до Омска. В нашем театре коммунисты дважды выбрали Ножери Давидовича Чонишвили в состав партийного бюро. Его участками были воспитательная работа и партийная учеба, он принял самое деятельное участие в разработке тематики теоретического семинара по марксистско-ленинской эстетике для творческих работников Омска. В том, что мы можем отметить серьезную работу партийной организации драмтеатра в канун XXIV съезда — есть заслуга и коммуниста Чонишвили, делегата областной партийной конференции.

Недавно Ножери Чонишвили стал председателем Омского отделения Всероссийского театрального общества — и взялся за работу со свойственной ему ответственностью. Планы у ВТО большие. Не раскрывая их подробно, скажем только, что наконец «утрачен» вопрос со строительством Дома актера, что организуется первая в Омске театральная фотовыставка, что создаются сельские клубы друзей театра, что предвидятся интересные творческие семинары и командировки для членов ВТО и театральных критиков...

В прошлом знаменательном году театр драмы успешно провел московские гастроли, и этот коллективный успех обеспечен и работой заслуженного артиста Грузинской ССР Ножери Чонишвили. Столичная и центральная печать отмечала его как одного из наиболее интересных актеров труппы, как мастера перевоплощения, как художника, покоряющего силой страсти, открытой эмоциональностью. Маститые критики говорили о нем, обсуждая итоги гастролей, видные мастера «Мосфильма» интересовались им на предмет будущих съемок.

Но Чонишвили не склонен соглашаться с высокими оценками, он пристрастен и безжалостен к своим ролям. На днях он говорил мне о том, что хочет и должен проанализировать просчеты самых дорогих для него работ — Годунова, Сирано, Гамлета, что его путь к Гамлету только начал, а путь этот долг и сложен.

Е. ЗЛОТИНА.

ОМСКИЙ ПРАВДА

г. Омск

31 ЯНВ. 1971